

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки РФ
И. Е. ТАЙМАНОВА	профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, Заслуженная артистка России
А. С. КУШНЕР	поэт, лауреат Государственной премии РФ, Пушкинской премии
Ю. В. ЗОБНИН	заведующий кафедрой литературы Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор филологических наук, профессор
А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ	поэт, академик РАО, лауреат Государственной премии СССР
М. М. ЧУЛАКИ	писатель, общественный деятель
Б. Д. ПАРЫГИН	заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
Н. А. СИВОВА	председатель Комиссии по государственным наградам при Президенте РФ
М. А. ГРИННИК	секретарь Федерации независимых профсоюзов России по Северо-Западному федеральному округу
Н. Б. ИВАНОВА	заместитель главного редактора журнала «Знамя», литературный критик, кандидат филологических наук
Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА	директор Института среднего специального образования РАО, доктор педагогических наук, профессор
Г. А. ПРАЗДНИКОВ	заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, кандидат философских наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

Уважаемые коллеги, гости! Жизнь выдающегося художника становится фактом искусства. Жизнь ученого тоже становится фактом науки. Но происходит это в тех случаях, когда ученый повлиял на судьбы своих современников и определил духовный облик целых поколений. Именно это характеризует академика Д. С. Лихачева, и именно это обуславливает пристальное внимание не только к его научной деятельности, но и к мельчайшим подробностям личной жизни, деталям его выступлений, интервью, личных встреч и т. д.

Наша конференция посвящена в основном научному творчеству Д. С. Лихачева и тем аспектам современной гуманитарной науки, которые представляются актуальными в свете

его идей. Здесь собрались люди, лично знавшие Д. С. Лихачева и сохранившие свои, может быть, и субъективные, но ценные для нас впечатления. Как представляется, разговор за этим Круглым столом позволит дополнить и расширить спектр вопросов, обсуждаемых на Пленарном и секционных заседаниях, и достичь необходимой полноты представлений о масштабе и многогранности таланта Д. С. Лихачева, нашего современника.

И. Е. ТАЙМАНОВА:

Судьба свела меня с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, когда я еще не родилась. Моя мама, оказавшись в 1960-е годы на коммунальной кухне в городе Зеленогорске,

вдруг увидела седовласого человека, который повернулся к ней и спросил: «Вы были в блокаду в Ленинграде?» «Да», — ответила мама, удивительно красивая женщина. «Вы помните, — спросил он, — как Вам кто-то около БДТ крикнул: “Бомба, ложись, падай!”?» Мама сказала: «Да». «Это был я, — ответил Дмитрий Сергеевич Лихачев. — Это я Вам тогда крикнул через мостик: “Бомба, ложись, падай!”»

Позднее уже я лично встретила не с академиком, не с ученым, не с филологом и не с литературоведом, а с человеком, который помогал в моей работе телевизионного режиссера в самые трудные периоды становления ленинградского телевидения.

Но мне хочется начать с финиша, с того потока людей, который пришел проститься с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. И когда я увидела эту толпу, которая шла, как поток, прежде к Мавзолею, а ныне — просто к нравственной личности, желая прикоснуться к истоку нравственности, я была потрясена количеством и разнообразием людей, которые черпали и продолжают черпать в силе под названием Лихачев свои собственные силы. Я вспоминаю, как Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал мне как-то: «Меня считают чуть ли не мессией, и для меня это очень обидно, потому что я отнюдь не считаю себя истиной в последней инстанции. Меня спрашивают — я отвечаю, но нередко я отвечаю за тех, кто считает, что я знаю все. Подобно греку, я знаю то, что я ничего не знаю, но я пытаюсь вместе со всеми разобраться в том, о чем меня спрашивают». И вот с таким человеком, который пытается разобраться вместе со всеми в проблемах России, Петербурга, нравственности, мне довелось встречаться многократно.

После той встречи на коммунальной кухне прошло лет двадцать, мы встретились на выходе со студии телевидения. Дмитрий Сергеевич снял шляпу, поклонился и сказал: «Здравствуйте, Ирочка». Я засмушалась и спросила: «А как же Вы меня узнали, ведь Вы видели меня тринадцатилетней?» Он ответил: «Вы меня за неинтеллигентного человека держите. Во-первых, если я помню рукописи XII века, почему я должен забыть то, что было 20 лет назад. И второе — я смотрю и ценю то, что Вы порой делаете на экране». После этого я считала, что обязана стремиться делать так, чтобы ему хотелось смотреть.

Позднее мне пришлось к нему обращаться, и эти ситуации были достаточно запоминающимися. Волна национализма, захлестнувшая Петербург в пору перестройки, заставила Дмитрия Сергеевича активно вмешаться, и у нас с ним была огромная часовая программа о многонациональном и национальном искусстве.

Поскольку по одной из профессий я музыкант, то именно с этой точки зрения мы обсуждали, как важно ценить все то, что пропущено сквозь иные национальности в русскую культуру, мы говорили о половцах и связывали это, как ни странно, с событиями на Кавказе, мы говорили о национальном, и Дмитрий Сергеевич гневно поднимал свой голос против националистических и шовинистических акций. И в любом выступлении Дмитрия Сергеевича сквозила его заинтересованность в том, чтобы сделать проблемное доступным, а доступное проблемным. И, быть может, очень простая программа о взаимосвязях культуры, социальных и политических проблем была основой многих наших диалогов на экране.

Вспоминается еще один поступок: из Швейцарии приехала художник и теолог Валерия Даувальдер и позвонила мне с предложением подарить Фонду культуры картину Коровина. Естественно, я, заинтересованная в пополнении русской коллекции, звоню Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, а до этого мы с ним не виделись, наверное, лет десять. Дмитрий Сергеевич отвечает так, как будто мы с ним вчера виделись: «Знаете, Ирочка, я завтра уезжаю к Горбачеву (он работал вместе с Раисой Максимовной в этом Фонде) и, быть может, через два дня я смогу встретиться». — «Но завтра она уезжает вместе с картиной». — «Тогда приезжайте через 2 часа». Картина была подарена и осталась в России. Дмитрий Сергеевич сделал один только шаг: он нашел время.

Сегодня я делаю в «REN-TV» целый цикл программ о династиях Петербурга, который я назвала «Атланты берегут и стерегут город». Естественно, одной из первых династий будет династия Лихачевых, потому что, когда Дмитрий Сергеевич получил звание почетного гражданина Санкт-Петербурга, он засмеялся и сказал мне: «А впрочем, я получил его уже давно, потому что мой прадед, поставляя оружие царскому двору, был назван почетным гражданином Санкт-Петербурга. Таким образом, это лишь подтверждение сквозь время». Когда я застала его за шахматной партией с правнуком, то мы говорили о системе ценностей в каждом из поколений. Поколение Лихачевых и династия Лихачевых продолжается: одна его правнучка пишет прекрасные книги, находясь в Лондоне, другая работает на российском телевидении. Они верят в то, что не завещал, а поселил, посеял в них Дмитрий Сергеевич Лихачев своими представлениями о морали и нравственности.

Вспоминаю, как насмешливая Зина спросила Дмитрия Сергеевича: «Что ж ты, дед,

говоришь о бескорыстии? А у самого в квартире мебель красного дерева». Он, засмущавшись, сказал: «Но ведь это собирала из обломков твоя мама Вера, я не хотел мешать ее вкусам. Это осталось из памяти о твоей маме». Он даже тогда меж строк дал понять, что не вещи интересуют его. И на дереве нравственности династии Лихачевых растут новые побеги.

Я хочу обратиться к последним временам из моего общения с Лихачевым. Были программы о политике и политиках, и Дмитрий Сергеевич доходчиво и ясно излагал позицию и взгляды тех, кому он верил. И, как ни странно, именно те, о ком он говорил в 1992 году, сегодня составляют окружение Президента. Записи моих программ подтверждают, что он оказался проводцем. Однако Дмитрий Сергеевич всегда настаивал на том, что не надо ждать от него ответов на вопросы, а надо ставить вопросы, на которые мы вместе отвечаем.

На протяжении всех лет, что я знала Дмитрия Сергеевича и его окружение, его жизнь была системой поступков, соответствующих его представлениям. Ведь у нас так часто поступки отличаются от позиции. Дмитрий Сергеевич силен тем, что у него воедино связано то, что он делал, с тем, что он писал, и тем, как он жил. И я, человек другого поколения, питалась, питаюсь, и мои студенты будут питаться тем, что оставил в наследство Дмитрий Сергеевич. Когда, делая программу о Пушкине, мы с одной из моих студенток пришли в Пушкинский дом, Дмитрий Сергеевич встал и поцеловал ей руку. Засмущалась не только она, но и я. Я сказала: «Дмитрий Сергеевич, ну зачем же Вы привстали?» Он ответил: «Потому что то, чему тебя учили с детства, нужно хранить до последней минуты».

Таким образом, наследство и наследие, не только филологическое и творческое, но в первую очередь человеческое, осталось не как завещание, а как то знамя, которое нужно перехватить, потому что это знамя не той красоты, что спасет мир, а того разумного человеколюбия, которое передается порой по наследству из поколения в поколение немногим, но с надеждой. Низкий поклон за это Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

А. С. КУШНЕР:

Год назад я выступал за таким же Круглым столом. Тогда я говорил о том, что есть огромное количество недоброжелателей. Один критик, например, называет Дмитрия Сергеевича Лихачева «умеренным националистом»,

другой, сравнивая с М. И. Калининым, — «все-союзным старостой». Думаю, эти критики замечательно проявили бы себя в Соловках, но до этого они побыли бы рапповцами.

В свое время Н. Гумилев говорил А. Ахматовой: «Задуши меня, когда я начну пасти народы». Дмитрий Сергеевич не пас народы, просто бывают такие времена в истории страны, когда необходим человек, который может что-то сказать обществу, и к нему прислушаются. Выбор был очень большой: можно было выбрать Баркашова, например, или Жириновского, да мало ли кого. И то, что наш народ выбрал Лихачева, внушает большую надежду и многое говорит о народе. Значит, не только России свойственно стремление иметь большого человека, который бы как-то соответствовал общему настроению. В Германии это были Томас Манн и Генрих Белль, они были нужны народу в самые тяжелые дни, во время фашизма и после него.

Точно так же, я думаю, нам был необходим Дмитрий Сергеевич, и сегодня он необходим. Почему? Вот прошло несколько лет после его смерти. И я думаю: как бы он отнесся к тому, что происходит сегодня в мире? Что бы он сказал по поводу взрывов в супермаркетах, в небоскребах, на дискотеках, на парадах? Совершенно понятно что, но важно, чтобы это было сказано человеком, который заслужил общее признание и доверие к себе. Я бы определил так: в нем была тишина. В его книгах о древнерусской литературе есть замечательная глава, посвященная «Повести о Петре и Февронии». Там он говорит о том, что лучшее в русской культуре — это именно тишина, а не экзальтация, не крик. Он любил «Слово о полку Игореве» и куда меньше любил «Задонщину», «потому что, — говорил он, — в «Задонщине» слишком много скрежета зубовного». Помоему, Дмитрий Сергеевич сам был похож на князя Святослава, на автора «Слова о полку Игореве» и на Февронию своими тихими жестами и речью, которая звучит куда громче самой громкой, истеричной и взвинченной.

И еще скажу вот о чем: Дмитрий Сергеевич отличается от многих филологов и многих наших ученых тем, что он говорит не на заумном, птичьем, научном языке, а на замечательном, ярком, доступном просвещенному читателю. Он никогда не важничал, не ходил, выставив грудь вперед. Я связываю это в числе других причин и с тем, что он любил стихи. Он писал книги о древнерусской литературе, но при этом любил современную поэзию. У Виктора Сосноры не вышла бы книжка в 1961 году, если бы Дмитрий Сергеевич не написал к ней предисловие.

Когда я говорил о тишине, об отсутствии какой-либо экзальтации, то вспомнил свое стихотворение, которое было обращено к Лидии Гинзбург, чье столетие мы отметили в этом году. Они дружили — Лидия Яковлевна и Дмитрий Сергеевич. А стихи такие:

И за словом, на два тона взятом выше,
Смрад обмана, как за поступью дракона,
Напустившего тумана.
То есть нет того, чтоб руки
Опустить легко вдоль тела,
Нет, заламывают в муке,
Поднимают то и дело.
То есть так, удобства ради,
Прибегая к сильной страсти,
В этом дыме, в этом смраде
Ловят нас и рвут на части.

Ю. В. ЗОБНИН:

Что такое поэтический канон? Это штука неоднозначная. На наш с вами взгляд, привыкший к культу свободы, поэтический канон — это то, что отличает, собственно, средневековую литературу, то есть это сознательное самоограничение художника, когда он принципиально налагает на себя некое очень существенное обязательство, если угодно, по своей инициативе борется со свободой творчества.

Это связано с историей Каина и Авеля. Почему жертва Каина, хотя он был старше, не была принята? Потому что, оказывается, как толковал Иоанн Златоуст, Абель, перед тем как приносить жертву, выбрал лучшую часть и положил на алтарь, а Каин торопился и навалил все без разбора, поэтому его жертва была отвергнута. И поэтому считалось, что художник должен четко осознать, о чем нужно писать, о чем не нужно писать. Эта идея отделения, идея границ была очень выражена в средние века, потом была подхвачена акмеистами. Можно очень долго говорить о стихах Ахматовой, Гумилева и Мандельштама, об их идеях предела, формы, но меня заинтересовало вот что. Да, естественно, что Лихачев об этом каноне очень много писал, у него есть очень интересные моменты, связанные как раз с самоограничением, с идеей крещения в древнерусской литературе. И его знаменитая формула об историко-монументальном стиле, принципиально реализуемом древнерусскими художниками, опять-таки восходит к поэтическому канону.

Совершенно неожиданно я как-то наткнулся на то противоречие, которое долго не давало мне покоя. Научный авторитет Лихачева сомнений не вызывает, об этом даже глупо говорить, но у меня в сознании четкое разделение. С одной стороны, я считал и считаю

Лихачева одним из самых ярких идеологов современного российского общества. С другой стороны, читая его публицистику, я не могу сказать, что он прекраснодушный мечтатель. У него нет каких-то парадоксальных мыслей, того, что мы можем назвать эффектом откровения. Получается, что воспринимаешь человека как идеолога, но тексты этого не подтверждают. Это противоречие, на мой взгляд, объясняется очень просто. У него очень развиты элементы апофатического мышления, то есть он обращает наше внимание на то, что нельзя делать, а мы привыкли к той публицистике, которая учит нас, что нужно делать. В Лихачеве-идеологе очень сильно развито абсолютно непопулярное среди современной идеологии отрицательное начало, которое, на мой взгляд, весьма и весьма продуктивно. Мы говорили об этом с Еленой Григорьевной Драпеко, и она сказала: «Я теперь поняла, на основании чего могут сходить люди совершенно разных и взаимоисключающих идеологий: не на попытке как-то согласовать свои взгляды, а на попытке очень четко определить, что все собравшиеся в какой-то кружок не будут делать ни при каких условиях. В таком случае можно договориться, вести дискуссии, почувствовать какое-то объединение».

А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

В этом году мы отмечаем двадцатилетие спектакля «Юнона и Авось». Там были стихи, которые советская цензура запретила. Я их прочту: на мой взгляд, они очень актуальны сегодня.

И в твоей стране, и в моей стране
До рассвета спят не спина к спине.
И одна луна золота вдвойне
И в твоём окне, и в моём окне.
И в твоей вине, и в моей вине
Есть любовь и боль по родной стране,
И в твоём вранье, и в моём вранье
Есть любовь и боль по родной стране.
Идиотов бы поубрать вдвойне
И в твоей стране, и в моей стране.

М. М. ЧУЛАКИ:

Когда мы говорим об интеллигенции и интеллигентности, то невольно в этой теме преобладают восторженные эпитеты. Понятие интеллигентности чрезвычайно обширно, и недаром до сих пор нет исчерпывающего определения, что такое интеллигенция и, соответственно, что такое интеллигентность. Но тем не менее люди как-то интуитивно догадываются и могут определить, что перед тобой интеллигент, хотя и часто объяснить

этого не могут. Так вот в этом разнообразии качеств, которые входят в понятие интеллигента, особенно принято подчеркивать какие-то благодетельные качества. Но я хотел бы обратить внимание на то, что вызывает некоторую тревогу. Дело в том, что интеллигенции очень свойственно понятие иерархии нравственных ценностей. Иногда это очень хорошо: например, человеку с детства объясняют, что Пушкин — гениальный поэт, Чайковский — гениальный композитор и так далее, то есть закладывается какая-то иерархия ценностей. Но тут есть одно подводное течение. Приведу пример.

Русская интеллигенция всегда успешно протестовала против насилия власти. Огромная часть русской дореволюционной интеллигенции была оппозиционна самодержавному строю, большинство русской интеллигенции презирало кровавого царя Николая II, Николашку, как его обычно называли, зачитывалось известным фельетоном Амфитеатрова «Господа Обмановы». Однажды известный сатирик А. Аверченко был приглашен в гости к царю, который очень его любил. Опасаясь гнева, с одной стороны, начальства, а с другой стороны, коллег, Аверченко сказался нездоровым и не пошел к царю просто под предлогом нездоровья. Тогда на него обрушился праведный гнев: как это, Аверченко не бросил в лицо самодержцу, что не желает к нему идти, а трусливо сказался нездоровым. А. И. Куприн написал на него весьма злобную эпиграмму. То есть тогда вся интеллигенция ненавидела самодержавие, и в то время интеллигентному человеку заступиться за царя было чрезвычайно сложно, потому что протестовать против власти легко, а протестовать против мнения своего круга — гораздо и гораздо труднее. Сейчас все наоборот, сейчас подавляющая часть интеллигенции умильно вспоминает уже не кровавого Николашку, а царя-мученика Николая Романова. И теперь весьма трудно вспомнить, что все-таки были у него действительно весьма кровавые дела. Это свойство интеллигенции поддерживать и разделять мнение своих, бояться идти против мнения своих весьма и весьма опасно, потому что оно вызывает цепную реакцию.

Гражданское мужество на Руси встречается гораздо реже, чем военное. Такое же редкое качество — умение не разделить общих мнений своего круга.

Дмитрий Сергеевич Лихачев умел противостоять общему мнению людей, которые считали себя интеллигентными и даже были уверены, что Дмитрий Сергеевич должен их поддержать. В 1991 году Дмитрий Сергеевич, который сам православный и многое сделал для восстановления утраченных традиций,

очень твердо выступил против введения Закона Божьего в школах, хотя, вероятно, многие от него ждали обратного. Но он очень твердо сказал, что школа у нас отделена от церкви, церковь отделена от государства, не говоря о том, что в школах учатся дети разной национальности, их родители могут быть представителями разных конфессий или атеистами, поэтому всех детей под одну гребенку стричь в школе — это значит ставить многих в очень трудное нравственное положение. Я хочу именем Дмитрия Сергеевича призвать всех, особенно молодое поколение, к умению противостоять среде: это, может быть, самое главное качество для становления личности.

Б. А. ПАРЫГИН:

Сегодня, когда вниманию к человеку как к носителю прежде всего духовно-нравственных ценностей все более активно противопоставляется экспансия технократического, вульгарно-социологического или манипуляторского подхода, особую актуальность приобретает обращение к глубоко гуманистической позиции Д. С. Лихачева, который одним из первых заметил опасность дальнейшего развития подобных тенденций.

Конечно, Д. С. Лихачев не был склонен к излишней категоричности суждений в тех случаях, когда требовалась деликатность при подходе к дискуссионным вопросам науки.

И в связи с этим, вероятно, можно было бы согласиться с мнением признанного специалиста по его творческому наследию, каким, несомненно, является Ю. В. Зобнин, когда утверждает, что в типологии логических построений Д. С. Лихачева доминирует «нет, не надо».

Однако, на наш взгляд, даже подобное доминирование не дает оснований для полного исключения из научных построений Д. С. Лихачева вполне определенного «да, надо» в тех случаях, когда вставал вопрос о необходимости занятия четкой и принципиальной позиции ученого даже по самой деликатной и острой проблеме.

Такой, по нашему мнению, оказалась научная ситуация в связи с широко обсуждаемыми в середине 1980-х годов проблемами тенденций и перспектив развития отечественного человековедения.

Растущие ожидания радикальных перемен в социальной системе в направлении деидеологизации обществоведения и демократизации социальных отношений в канун начала перестройки, веяния постмодернизма с отходом от высоких критериев и эталонов в искусстве и эстетике, кризис идентичности всех

форм культуры — вот тот фон, на который во многих случаях ложилась дискуссия о путях развития наук о человеке.

За внешней конфронтацией традиционного и инновационного, ценностно-ориентированного и инструментального, технологического подходов к человеку Д. С. Лихачев, как нам кажется, одним из первых если не отчетливо увидел, то, по крайней мере, почувствовал перспективу возможного отказа от глубинного, а вместе с тем и более масштабного, чем утилитарно-прагматический подход, видения проблем человека.

Совсем не случайно именно в это время он призывает обществоведов обратиться к изучению сложнейших взаимоотношений людей как друг с другом, так и с природой в масштабах Вселенной, к постижению глубинных пластов взаимопонимания, установления интимного душевного контакта в ситуации межличностного общения между ними.

Если Н. А. Бердяев, по его собственному признанию, хотя много и общался с людьми, но всегда «носил маску» для защиты своего внутреннего мира, за что потом и расплачивался чувством одиночества, то Д. С. Лихачев говорил о возможности, естественности и плодотворности глубинного, доверительного, душевно-интимного межличностного контакта без угрозы потери своей индивидуальности.

«Мы нечасто задумываемся над тем, — писал он, — что сознание человека обладает удивительной способностью проникать в сознание другого человека, понимать других людей, сопереживать им, постигать самые интимные чувства и настроения человеческой души. Человек входит в мир другого человека исполненный стихией собственного бытия, и тем не менее он способен любить, проникать в чужое бытие, облечься в него как в свое собственное, всецело «покинуть» себя ради другого и тем самым утвердить себя полностью и настоящим образом».

Для Д. С. Лихачева такое душевное взаимопроникновение не является отклонением от сути человеческого общения. Скорее наоборот, именно в возможности достижения глубинного контакта между людьми и состоит подлинный смысл и духовно-нравственная ценность межличностного общения.

«В этом проникновении в чужое бытие, в другую душу есть момент встречи, совместного переживания и взаимодействия, и этот момент, как мне кажется, составляет самую суть, основной нерв общения», — писал он.

Можно только сожалеть о том, что Д. С. Лихачев не успел сам более полно развернуть и определенным образом включить свой подход к пониманию общения в достаточно широкий поток как отечественной, так и зарубеж-

ной литературы, посвященной этим проблемам в последние десятилетия.

Однако это нисколько не снижает научную ценность и значимость того, что было сказано им в начале 1980-х годов об общении для успешного поиска, определения и развития стратегического направления в развитии отечественной науки о человеке, и прежде всего социальной психологии.

Н. А. СИВОВА:

Я хотела бы сказать о том, почему именно сегодня возникли новые государственные награды Российской Федерации. История государственных наград насчитывает более 300 лет, начиная с ордена Святого апостола Андрея Первозванного, учрежденного Петром I.

Конечно, хорошо, когда интеллигенция сходится на том, чего делать нельзя. Но кто будет искать ответы на вопросы: а что надо и что делать? Если этого вопроса не будет, как тогда вообще общество будет развиваться? Кто должен развивать общество, традиции, культуру, идти дальше, чтобы сохранить то ценное, что есть у нас в истории? В связи с этим вспоминаются стихи Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.

Но вернусь к государственным наградам. В советское время РСФСР не имела орденов и медалей, только почетные звания и грамоты Президиума. И вот в 1990 году после принятия суверенитета встал вопрос о том, чтобы Россия, республика в составе Союза, имела свой, российский орден. После Октябрьской революции Российская республика имела орден Боевого и Трудового Красного Знамени, но эти ордена стали общесоюзными. И вот я, будучи депутатом, создавала документ, который потом был принят Президиумом Верховного Совета, о российском ордене, но потом настал август 1991 года, и уже после распада СССР этот вопрос встал очень остро уже в Российской Федерации. В 1992 году снова началась работа над созданием российских орденов и медалей. Я была назначена председателем Комиссии, и благодаря историкам, философам, деятелям культуры нам удалось создать систему наград Москвы и Санкт-Петербурга. Символики новой России еще не было, а мы работали над государственными наградами и думали, где что взять. Мы постарались не отступать от исторических традиций и смотреть на все беспристрастно, не теряя ни одного дня из истории государства.

В 1992 году впервые восстановлен орден Святого Георгия, и в последующие годы появилась возможность восстановить орден

Святого апостола Андрея Первозванного. А орден «За заслуги перед Отечеством» сделан на основе ордена Святого Владимира, с Владимирским крестом и девизом «Польза, честь и слава!». Но в системе государственных наград России есть награды, похожие по названию на старые советские, но с новым изображением: звание Героя Российской Федерации, медаль «За отвагу», медаль Ушакова, «За отличие в охране границы», «За отличие в охране общественного порядка», орден Мужества, орден Почета, орден Дружбы. То есть мы опирались на весь исторический опыт нашего государства: и до 1917 года, и после него.

Отдельно скажу об ордене «За заслуги перед Отечеством». Это очень высокая награда. Одним из первых награжденных этим орденом стал Дмитрий Сергеевич Лихачев. В связи с этим событием мне впервые посчастливилось поговорить с Дмитрием Сергеевичем, и еще раз — когда Президент вручал орден Святого апостола Андрея Первозванного за номером один. Комиссия решила, что у нас в стране больше нет человека, которого бы знали и настолько уважали. Я ни разу не слышала о нем отрицательного мнения.

Он получил этот орден в 1998 году, будучи уже в очень почтенном возрасте. В приемной, там, где мы ждали вручения, был всего один стул. Когда я подошла к Дмитрию Сергеевичу, он встал. Мне довелось поговорить с ним всего несколько минут, и за эти две встречи удалось рассказать ему о системе наград, о том, что и как мы делаем. Я получила одобрение со стороны Дмитрия Сергеевича. И тот факт, что он принял награды новой России, — высокая оценка наших сегодняшних государственных наград, которым в этом году исполнилось десять лет.

М. А. ГРИННИК:

Дмитрий Сергеевич, как великий гуманист, в своей деятельности отдавал предпочтение интересам человека как самой дорогой ценности во Вселенной, самого прекрасного и совершенного творения природы. Мы полностью принимаем и разделяем такое мировоззрение, краеугольный камень гуманитарной культуры. В то же время профсоюзы отдают дань устремлениям деятелей культуры, уважают и ценят их усилия по сохранению гуманитарного богатства. И мы рассматриваем проблемы в более широком аспекте. Не хотелось бы вдаваться в рассуждения, что для человека главное: духовная культура или экономический интерес. Жизнь людей — это взаимосвязь и взаимопроникновение материального и духовного. Считаем, что нужно развивать все сферы деятельности человека. Сейчас мы уже

можем реально оценивать, что дали обычным людям, гражданам России, жителям Санкт-Петербурга последние 10 лет жизни в нынешней российской действительности и весь тот комплекс антигуманных событий и явлений. К сожалению, имеется тенденция забывать то, о чем говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев: нужно подходить к человеку прежде всего с гуманистических позиций. Имеет место тенденция деградации образования, здравоохранения, культуры, есть угроза истинно человеческим ценностям. Кстати, это тормозит и экономику. Иногда у нас вызывает непонимание, что в сфере интересов профсоюзов находится не только экономика, но и культура, образование, здравоохранение, социальные взаимоотношения. Почему? Ответ прост: мы стремимся обеспечить достойный труд работников в качестве основы развития и преумножения важнейшего фактора развития любого общества и человеческого капитала. Достойный труд, как определено в документах Международной организации труда (и мы полностью разделяем этот подход), — это занятость с перспективой на будущее. Это хорошие условия труда, возможность совмещать труд с семейной жизнью, с воспитанием детей, равенство прав мужчин и женщин, возможность для женщин находить свое место на рынке труда, средства реализации личных устремлений. Это синоним человеческого достоинства, достойная работа означает производительный труд, при котором права трудящихся защищены, который приносит достаточный доход с обеспечением адекватной социальной защиты. Человеческий капитал — это знания, навыки, здоровье, образование, культура работника — главного фактора прогресса и главной производительной силы общества. Для профессиональных союзов человеческий капитал — главное богатство, и эта позиция соответствует общемировым тенденциям. В Конституции России на первом плане также стоят интересы человека как личности во всех ее проявлениях. В концепции деятельности Федерации независимых профсоюзов России и новой концепции, которая разработана здесь, в Санкт-Петербурге, как в центре профсоюзного движения Северо-Западного округа, на ближайшие годы предложена модель будущего общества. Если внимательно рассмотреть ее положения, то увидим, что она включает в себе истинно гуманистические идеи: развитие человека, достойную заработную плату, учет интересов разных слоев общества. В ней обеспечивается ряд устойчивых гуманистических тенденций, вот они: рост благосостояния и качества жизни всех социальных групп и слоев общества, а не только избранных элит, рост образования

и культуры народа как источника формирования и развития человеческого капитала, приоритет финансирования именно человеческого капитала в развитии социальной сферы, здравоохранения, образования, науки, культуры и искусства. Концепция предусматривает достижение в ближайшие годы устойчивого экономического роста, серьезных структурных сдвигов в экономике, ускоренного развития наукоемких отраслей, секторов и предприятий, приоритета ресурсосбережения и экономии при выборе технологий производства, широкого распространения систем контроля и стимулирования высокого качества товаров и услуг. Нам очень близка позиция Дмитрия Сергеевича, выраженная в его последней статье в «Санкт-Петербургских ведомостях» (октябрь 1999 года), цитирую: «Если что и необходимо нашему обществу, так это оживить угасающее экологическое движение. Мощное, всенародное, оно должно подняться над всякой политикой, быть лишено всяких левых и правых уклонов, претензий на власть, стоять в оппозиции ко всему, что уводит людей в сторону от самого насущного». В сфере социального партнерства мы добиваемся всемерной поддержки создания рабочих мест и новых предприятий, постепенного повышения доли трудовых доходов работников до уровня развитых стран Европы и Соединенных Штатов, высокой правовой культуры, уважения и неукоснительного соблюдения трудовых и социальных прав личности, выполнения контрактов и трудовых договоров, предусмотренных трехсторонними соглашениями на всех уровнях власти в России. Профсоюзы в современных условиях — хранители гуманистической культуры. Если бы в России XIX века существовали более сильные, влиятельные профсоюзы, то история нашей страны могла бы развиваться без вселенских потрясений и кровавых катастроф века XX и шла бы по иному пути, не такому трагическому и противоречивому, не сопряженному с такими гигантскими потерями и жертвами. Сохранение, развитие и преумножение человеческого капитала — сейчас главная миссия профсоюзов. В этом будущее нашей родной России.

Н. Б. ИВАНОВА:

Я хочу сказать, что думаю о явлении, о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве в контексте времени и в контексте той определенной социально-исторической ситуации, в которой ему приходилось делать выбор и в которой он так или иначе влиял на нас. Вспомним о некоторых высказываниях, которые кратко сводятся вот к чему. Во-первых, не надо ученому заниматься поверхностной публицисти-

кой: такая широта размывает определенность его интеллектуального высказывания. И во-вторых, в своих работах он был недостаточно плодотворен. Поскольку я все же скорее критик, чем ученый, то должна сказать, что я не согласна ни с тем, ни с другим.

Вспомним, что «Заметки о русском» появились в журнале «Новый мир» в совершенно определенный социально-исторический и политический момент, именно тогда, когда еще перестройки никакой не было и до перестройки еще было довольно далеко, и когда в обществе прошла очень неприятная дискуссия, которая называлась «Классики и мы». В. В. Кожин и его единомышленники заявили о вполне определенной позиции, и такое полноценное высказывание Дмитрия Сергеевича Лихачева «Заметки о русском» было как определенная расстановка вполне ясных и твердых позиций по поводу нашего самоопределения, самоидентификации. Дмитрий Сергеевич как наш современник помогал, я думаю, очень многим сделать выбор. Поэтому его публицистика, на мой взгляд, была исключительно плодотворна.

И еще. Я знаю множество ученых с такой позицией: они ученые, эксперты, они наблюдают, анализируют, а жизнь идет отдельно от них, они в ней не участвуют. У Лихачева никогда этого не было. Он никогда не был ангажирован, но он всегда был вовлечен в бытие. Государство для него было, мне кажется, не столь важно, как общество. И вот он занимался тем, что влиял на структурирование общества.

Годы, которые мы сейчас переживаем, на мой взгляд, это годы определенной реакции. Наше население устало, структурирование запаздывает, а общество наше очень атомизировано, настоящих объединений, увы, нет.

Повторю по поводу плодотворности идей Дмитрия Сергеевича и того, что он сильно разбрасывается. Вот он написал предисловие к двухтомнику Пастернака, где во вступительной статье к «Доктору Живаго» вскользь выдвинул идею о том, что Юрий Андреевич Живаго является лирическим автогероем Пастернака. Я написала об этом целую книгу и услышала много лестных слов насчет концепции автогероя. Так что я и за это тоже благодарна Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА:

Здесь уже говорили, что Лихачев шел от отрицательного, призывал объединяться на почве того, что нельзя делать. Это утверждение имеет очень глубокие, библейские корни, но если их экстраполировать на педагогическую деятельность, то есть некоторая

опасность. Мы все знаем заповеди: «Не укради», «Не убий» и так далее, но одновременно существует такая позиция, я ее коротко могу выразить простым примером из педагогической жизни: «Вася, повтори все те слова, которые ты никогда не должен говорить». Так вот, Дмитрий Сергеевич писал, что воспитывать надо, питая из чистого источника.

Меня всегда удивляют люди, которые о своем отношении к чему-то не могут сказать самостоятельно, не могут быть суверенными по отношению к тексту. Знание языка, умение на нем красиво говорить — это, я считаю, важнейший критерий истинной интеллигенции. Кроме того, хоть я и согласна с утверждением, что интеллектуалы и интеллигенты — это не одно и то же, но все же образованность — самый высочайший признак интеллигентности. Сегодня даже в концепции модернизации образования обозначено понятие «интеллектуализация содержания и процесса образования».

Я сегодня давала интервью для молодежной телепрограммы, и они меня попросили: «Научите, как нам жить, чтобы не пропасть в этом мире». Я ответила, что надо очень много знать, очень много уметь, чтобы вас не задвинули, не затерли, чтобы вы всегда были востребованы, чтобы никакие жизненные катаклизмы вас не уничтожили. Поэтому все-таки образование, не только специальное, но и самое широкое, я считаю, — самое главное требование к интеллигенту. Ну и плюс к этому все остальное — сочувствие обиженным, совесть и т. д.

Существует определенное противоречие: с одной стороны, надо воспитать человека интеллигентного, с другой стороны, надо научиться конкурировать, бороться, за себя постоять. Противоречат ли друг другу эти вещи? Если брать классическое понимание интеллигенции, то противоречат, но надо их совместить, то есть должно быть двойственное целеполагание: воспитание и интеллигентного человека, и образованного человека-профессионала.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ:

Сегодня я услышал много умных, прекрасных слов от интеллигентных, образованных людей. Но у меня осталось такое ощущение, что мы живем в разных мирах. Я уже много дней не могу забыть увиденных по телевидению молодых бритоголовых ребят, скринхэдов, с железными прутьями. И я подумал: вот поколение, которое от детского сада вышло в годы, которыми мы при этом гордимся. Я не мог спокойно ходить по Невскому

проспекту мимо перекидки от Гостиного двора к Пассажу, объявлявшей о боях женщин в грязи, в двухстах метрах от Русского музея, от Большого зала Филармонии, как бы через запятую.

Я думаю, что мы теряем какое-то чувство ответственности, которое интеллигента не должно покидать. Дмитрия Сергеевича очень не любило партийное руководство нашего города. Он стал академиком, но по своим научным заслугам он должен был стать академиком десятилетия на три раньше, однако этому препятствовал наш город. Нашему партийному руководству не нравилось не его мнение по поводу датировки «Слова о полку Игореве», а его обеспокоенность тем, что по всему Невскому проспекту собираются сделать витринные окна. Говорят, что надо его реставрировать в духе первой половины XVIII века, а Лихачев — нельзя, потому что он сложился в более позднее время. Что он во все лезет? Такой был Дмитрий Сергеевич. И мне кажется, что сейчас настало время поступка, который бы противоречил, может быть, общепринятому мнению. Я думаю, что наши реформы во многом пошли бы по-другому, если бы мы не боялись критиковать в то время, когда уже надо было критиковать, а мы боялись.

Я говорю: «Что же происходит с высшей школой?», а мне отвечают: «Георгий Александрович, да ведь то, что Вы говорите, верно, но ведь когда мы собираемся на митинг, тут же появляются люди с портретами Сталина и с красными флагами. Выходит, мы их поддерживаем». Не поддерживаем, но нельзя допускать того, что происходит.

Приведу пример конкретного поступка. Вчера в «Петербургских ведомостях» была опубликована статья Михаила Михайловича Чулаки «Синдром голого короля», и я представляю, что она вызовет возмущение многих. Он протестует против миллиарда, уплаченного за «Черный квадрат» Малевича. Это поиск, но это не та находка, которую стоит так высоко оценивать.

По поводу поиска очень хорошо говорил Андрей Тарковский, что ищут грибы в лесу, а фильм, спектакль, книга должны быть результатом этого поиска, в том числе и нравственного.

Мне довелось присутствовать при разговоре молодых кинематографистов в Болшево, и все они говорили, как плохо, как ужасно, как не хватает свободы, на что Андрей Тарковский возражал: «Вы делайте так, чтобы сколько вас ни резать, осталось бы все равно самое главное, ради чего вы делаете фильм». В кулуарах говорили: «Скурвился Андрей Арсеньевич, большевикам проданся». Особенно воз-

мутил конец его выступления, он сказал: «Что вы без конца говорите о свободе? Хотите быть свободными — будьте, и хватит об этом».

Наверное, вопрос этой внутренней свободы, свободы следования тем ценностям, которыми ты живешь, — это и есть самое основное в свободе. А мы обрадовались той свободе, которая позволила нам жить в произволе, и боимся сказать свое слово: вдруг подумают, что ты против демократии, про-

тив реформ, против современного искусства. Надо говорить. И как бы ни было нам больно сталкиваться со своими друзьями, я думаю, вот эта свобода как нравственное задание себе, как Чехов ее понимал, и величайшая ответственность, которую дает эта свобода, — это основное, что сейчас стоит перед интеллигентным человеком, во всяком случае, перед человеком, который каким-то образом себя причисляет к этому сонму.